

М. Г. Скорб

Белорусский государственный университет, Министерство образования Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 6, 220030 Минск, Республика Беларусь, +375 (29) 590 48 85, max.skorb@yandex.ru

РОССИЙСКАЯ И АВСТРИЙСКАЯ МОДЕЛИ АВТОНОМИЗАЦИИ БЕЛГРАДСКОГО ПАШАЛЫКА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПЕРВОГО СЕРБСКОГО ВОССТАНИЯ (1804—1806)

В статье на основе дипломатической переписки проанализированы российские и австрийские модели преобразований в системе управления Белградского пашалыка, направленные на мирное урегулирование Первого сербского восстания на его начальном этапе. Во введении обосновывается актуальность исследования, проанализированы основные подходы к изучению данного круга проблем. В основной части рассмотрены проекты преобразований, выделены их концептуальные черты, оказавшие влияние на формирование общей модели, проанализированы причины, повлиявшие на реализацию конкретных проектов. Значительное внимание уделено раскрытию целей, внутреннего содержания и особенностей политики держав в отношении восстания и влиянию на нее европейских событий. В заключении сделан вывод об иерархии факторов, влиявших на формирование как австрийской, так и российской модели преобразований, отображено их влияние на конкретные предложения Австрии и России по мирному урегулированию.

Ключевые слова: Австрия; Россия; Белградский пашалык; Первое сербское восстание; автономия.
Библиогр.: 12 назв.

M. G. Skorb

Belarusian State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 6 Krasnoarmejskaya St.,
220030 Minsk, Republic of Belarus, +375 (29) 590 48 85, max.skorb@yandex.ru

RUSSIAN AND AUSTRIAN MODELS OF AUTONOMY OF THE PASHALIK OF BELGRADE AT THE INITIAL STAGE OF THE FIRST SERBIAN UPRISING (1804—1806)

Based on diplomatic correspondence, the article analyzes Russian and Austrian models of transformations in the management system of the Belgrade pashalyk aimed at a peaceful settlement of the first Serbian uprising at its initial stage. The introduction substantiates the relevance of the research, analyzes the main approaches to the study of this range of problems. In the main part, the transformation projects are considered, their conceptual features that influenced the formation of the General model are highlighted, and the reasons that influenced the implementation of specific projects are analyzed. Considerable attention is paid to the disclosure of the goals, internal content and features of the policy of the powers in relation to the uprising and the influence of European events on it. In conclusion, we draw a conclusion about the hierarchy of factors that influenced the formation of both the Austrian and Russian models of transformation, and their influence on the specific proposals of Austria and Russia for a peaceful settlement is reflected.

Key words: Austria; Russia; Pashalyk of Belgrade; First Serbian uprising; autonomy.
Ref.: 12 titles.

Введение. Зимой 1804 года сербы Белградского пашалыка подняли восстание, в ходе распространения которого под их контролем оказалась не только территория Белградского пашалыка, но и некоторые соседние территории. Последнее требовало создания собственной системы органов государственной власти. Не имея опыта государственного управления и осознавая нехватку сил для успешной борьбы с турками, восставшие вынуждены были искать поддержку у держав, наиболее влиятельных на Балканах. Такими государствами стали Австрия и Россия, для которых проблема будущего сербского государства стала одной из центральных проблем восточной политики начала XIX века. Начавшееся восстание во многом стало неожиданностью для дипломатических ведомств обеих держав, заключивших союз против наполеоновской Франции и искавших поддержку на берегах Босфора. Последнее значительно сокращало возможности держав в урегулировании конфликта и помощи сербам. Все это сделало начальный этап восстания (1804—1806) исключительно важной вехой в становлении политики Австрии и России к формирующимся государствам Балканского полуострова.

Материал и методы исследования. В российской исторической науке достаточно подробно рассмотрено взаимодействие России и Сербии во время Первого сербского восстания. Однако традиционно, начиная с XIX века, основное внимание уделяется военно-политическому

сотрудничеству. Говоря о планах России относительно формы правления и государственного устройства будущего сербского государства, большинство историков не идет дальше формальных предложений, выдвинутых Россией Порте. Ряд историков, анализирувавших российские проекты будущего сербского государства, рассматривали их лишь как частные инициативы, а не как позицию российского двора. К тому же от внимания историков ускользало влияние европейских событий в общем и российско-австрийских взаимоотношений на позиции России по сербскому вопросу.

Австрийские историки, активно изучая историю Сербии и австро-сербских взаимоотношений

в XIX — начале XX века, практически прекратили это после 1918 года, сосредоточившись на восточной политике Австрии в целом. Так, Б. Калаи [1] утверждал, что Россия вовсе не была заинтересована в урегулировании конфликта и внесла в зарождающуюся сербскую государственность множество противоречий. При этом полностью отрицалось наличие у Австрии захватнических планов в отношении Сербии.

Сербская историография во многом опирается на концепцию, сформированную в начале XX века С. Новаковичем [2] и М. Вукичевичем [3]. Оба историка исходили из тезиса о том, что формирование сербских государственных институтов и принятие ряда конституционных актов стало ответом на стремление держав превратить Сербию в вассальную провинцию, поэтому формирующаяся сербская государственность не испытала на себе непосредственного влияния России и Австрии. Это определило исследовательские приоритеты последующих поколений сербских историков.

Таким образом, несмотря на большое количество работ, посвященных становлению сербской государственности, политике Австрии и России, позиции держав по исследуемому вопросу остаются малоизученными, а исследовательские оценки — зачастую диаметрально противоположными.

Результаты исследования и их обсуждение. Лидеры восстания прекрасно понимали, что репрессии со стороны янычар осуществлялись при попустительстве Порты. Поэтому практически с самого начала восстания они искали себе покровителя, способного защитить их от притеснений, а в идеале включить в состав своего государства. Естественным и наиболее знакомым покровителем для сербов являлась Австрия. Поэтому на протяжении весны 1804 года вожди восстания не единожды вступали в переговоры с представителями австрийской администрации с просьбой предоставить им оружие и провиант, взамен они обещали перейти под власть Австрии [4, с. 34, 53, 55—56, 100].

Внутри австрийской правящей элиты не было единства относительно отношения Австрии к восставшим. Так, группа высших сановников во главе с эрцгерцогом Карлом считала, что Россия приобрела значительное влияние на Балканах, что стало угрозой целостности самой империи Габсбургов, поскольку Россия стала чрезвычайно популярной среди православного населения империи. Поэтому, чтобы завоевать их поддержку, следует «показать сербам свое благорасположение», удовлетворив их просьбы, не вступая при этом в конфликт с Портой [4, с. 98—99].

Эрцгерцогу Карлу оппонировали вице-канцлер Ф. Коллоредо и министр иностранных дел Л. Кобенцль. Они считали, что Австрия должна придерживаться политики строгого нейтралитета, поскольку Порта сама до сих пор не определилась, какая из двух «партий» — сербы или янычары — в большей мере отвечает ее интересам. Несмотря на разность подходов, оба политических деятеля сходились в том, что беспорядки в Белградском пашалыке следует как можно скорее прекратить, поскольку они создают угрозу австрийской торговле в Османской империи и безопасному судоходству по Дунаю [5, с. 156—157].

Результатом политической борьбы внутри венского кабинета стало принятие решения о невмешательстве в сербские дела. Чиновникам военной границы было приказано в письменные переговоры не вступать, а в случае непосредственных контактов рекомендовать сербам «подчиниться воле их законного господина» [4, с. 170].

Апофеозом сербских устремлений по переходу под власть Габсбургов стали переговоры Карагеоргия, провозглашенного к тому времени верховным вождем восстания, и австрийского майора Бранковича в начале мая 1804 года. В ходе переговоров сербский лидер заявил о желании сербов перейти под власть императора и получить в качестве губернатора одного из эрцгерцогов. В случае отказа «сербская нация будет весьма неохотно искать себе других покровителей». На все предложения верховного вождя майор Бранкович ответил отказом, при этом предложив услуги австрийских властей по достижению соглашения восставших сербов с янычарами [6, с. 122—123].

Таким образом, Австрия в начале восстания, осознавая угрозу сложившегося положения, всячески стремилась погасить разгоревшийся конфликт, не вмешиваясь в него. При этом урегулирование конфликта находилось в плоскости старой османской системы управления, не предусматривавшей создание сербской национальной автономии.

После провала переговоров с австрийцами в селе Остружница (вблизи Белграда) была созвана скупщина — представительный орган власти, формировавшийся путем делегирования нахиями, административно-территориальными единицами пашалыка, своих представителей. Первоначально задачей скупщины была разработка условий для переговоров с Австрией, однако после провала переговоров ее главной задачей стал поиск новых покровителей для Сербии. Выбор повстанцев пал на Россию. В ходе скупщины было принято решение отправить письмо российскому посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому, в котором изложить свои просьбы и жалобы на турок.

Получив письмо сербских старейшин, А. Я. Италинский направил его в Петербург, сопроводив своими комментариями. Российский посланник считал, что России пока не следует прямо

вмешиваться в «сербские дела», тем не менее он советовал сербам приложить максимум усилий для взятия Белграда, так как после этого они смогут разговаривать с Портой с позиции силы. После этого, как писал А. Я. Италинский заместителю министра иностранных дел А. Чарторыйскому, Россия сможет надавить на Порту и добиться создания автономного сербского княжества под своим покровительством.

В целом с небольшими изменениями предложения А. Я. Италинского стали основой российской позиции по сербскому вопросу. А. Чарторыйский одобрил все начинания А. Я. Италинского и рекомендовал ему с осторожностью выступать в защиту сербов, не вступая с ними в переписку [7, с. 78—79, 155].

Еще летом 1804 года Порта направила своего представителя для урегулирования конфликта в Сербии. Осенью 1804 года он смог достичь соглашения между сербами и янычарами. Его главным условием было восстановление действия фирмана 1793 года, согласно которому при белградском паше должен был находиться сербский представитель. Кроме того, сербы получили право самостоятельного сбора дани в размере 500 тыс. пиастров и передачи ее паше. Туркам на территории Белградского пашалыка разрешалось проживать лишь в трех городах: Белграде, Шабаце и Смедерове [8, с. 77].

Австрийское и российское правительства по-разному отреагировали на это соглашение. Если Австрия приветствовала его заключение, то Россия фактически игнорировала и предлагала свой способ разрешения конфликта. Основные положения его содержались в инструкциях А. Я. Италинскому [9, с. 74—75] и И. Ф. Болкунову [7, с. 248], занимавшему пост консула в Бухаресте. Предлагалось урегулировать конфликт путем предоставления сербам некоторых привилегий: полный вывод всех турецких войск с территории пашалыка, право сербов иметь собственного правителя и собственный суд, при этом платя османскому правительству дань, и содержать 5 тыс. войска для защиты края.

Таким образом, Россия взяла курс на создание сербской автономии. Положение турецкой администрации по этому проекту проследить невозможно, так как ни в тексте инструкций А. Я. Италинскому, ни в письме И. Ф. Болкунову не упоминается ничего о турецкой администрации и турках, проживавших на территории пашалыка. Из этого можно сделать вывод о том, что речь шла не о создании сербского княжества, а о предоставлении привилегий сербам Белградского пашалыка. Тем не менее, учитывая количественный перевес сербов над турками, роль и значение турецкой администрации становились минимальными.

К концу 1804 года сложились австрийская и российская модели прекращения конфликта на территории Белградского пашалыка путем его автономизации. Австрия, считая продолжавшиеся беспорядки угрозой для своей торговли, стремилась как можно скорее урегулировать конфликт, не видя оснований для предоставления сербам сколько-нибудь значительных привилегий. Россия, в свою очередь, стремилась к созданию внутри Белградского пашалыка максимально широкой сербской автономии. Факт наличия российских гарантий не имел решающего значения, поскольку Россия еще по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года являлась покровителем православных христиан в Османской империи.

Несмотря на значительные события, произошедшие в Европе в течение 1805 года, позиции Рос-

сии и Австрии относительно сербской государственности фактически никак не изменились. Однако поражение под Аустерлицем и заключение Пресбургского мира привели к изменениям в австрийском правительстве: министром иностранных дел, а фактически главой правительства стал И. Штадион. Бу-

дучи сторонником эрцгерцога Карла, он выступал за активную внешнюю политику, в том числе и в отношении Сербии.

Вскоре после своего назначения новый министр иностранных дел сделал императору Францу весьма обширный доклад о положении дел в Сербии. В нём он изложил свой план мероприятий по сербскому урегулированию. По его мнению, после Пресбургского мира Австрии не следовало вмешиваться во внутритурецкий конфликт, тем не менее император вполне мог предложить султану свои услуги посредника и гаранта достигнутого соглашения, тем самым укрепить свой авторитет не только среди сербов, но и при дворе султана. Но все предложения Вены были Портой отвергнуты [10, с. 28—29].

Австрия и Россия сформулировали свои предложения о системе управления Белградским пашалыком, но когда летом 1806 года после ряда побед сербов возникла реальная возможность претворения их в жизнь, ни одна из держав уже не имела должного влияния на Порту для их реализации.

В конце июля Карагеоргий и ряд других старейшин разработали собственный вариант будущей сербской автономии. Соглашение, достигнутое на основе этих предложений, вошло в историю как Ичков мир (по имени сербского представителя на переговорах Петра Ичко) [11, с. 73].

Австрия, которую Порта обвинила в поддержке повстанцев, фактически самоустранилась. Русско-турецкие отношения к тому времени испортились настолько, что даже сербы не рассматривали российского посланника как помощника в их миссии и не только не просили его покровительства, но даже не сообщили ему условия, выдвигаемые Порте [10, с. 199; 12, с. 342—343].

В целом, за исключением пункта о международных гарантиях, Ичков мир соответствовал российскому проекту урегулирования сербского вопроса. Учитывая тот факт, что российская модель урегулирования не была оформлена концептуально, а содержалась в многочисленных записках и инструкциях, получателям которых строго запрещалось их разглашать, можно сделать вывод о том, что на начальном этапе восстания российская модель наиболее соответствовала интересам восставших.

Заключение. И российская, и австрийская модели будущей сербской государственности на начальном этапе восстания не шли дальше предоставления сербам национальной автономии. Во-первых, сами восставшие в своих устремлениях не шли дальше национальной автономии. Во-вторых, Австрия и Россия в это время воевали с наполеоновской Францией, а агрессивные действия в сербском вопросе могли привести к открытому конфликту с Портой, тем самым значительно усложнить войну с Францией.

Австрия в своих построениях руководствовалась не столько внешнеполитическими интересами, сколько внутренними, поскольку создание сербского государства у самых границ империи могло привести к массовому переселению сербов с территории империи. Участие в антифранцузских коалициях также значительно усложняло для Австрии реализацию собственной политики на Балканах. Учитывая ее географическое положение, обострение взаимоотношений с Портой и ее возможный союз Францией фактически создавали угрозу не только войны на два фронта, но и окружения австрийской территории с двух сторон.

Россия, в свою очередь, не испытывала такой угрозы и потому действовала значительно активнее. Кроме того, в построении собственного варианта преобразований, Россия руководствовалась исключительно внешнеполитическими целями, считая необходимым создание максимально широкой сербской автономии для использования ее в качестве дополнительного рычага воздействия на Порту и, как показали последующие события, как возможного союзника в борьбе с Турцией.

Разные исходные факторы по-разному влияли на внутреннее содержание проектов государственного устройства Сербии. Если Россия считала необходимым вывод турецких войск и создание сил сербской самообороны (будущих союзников России), то Австрия полагала это нежелательным

и даже опасным, так как это могло привести к эскалации конфликта. Австрийское правительство считало необходимым сохранение старой системы управления. Российская дипломатия, в свою очередь, была убеждена в необходимости создания внутри пашалыка сербской системы управления, де-факто существующей параллельно турецкой.

Таким образом, несмотря на то, что Австрия и Россия в начале Первого сербского восстания являлись союзниками, а их планы по урегулированию восстания, на первый взгляд, казались весьма схожими, их внутреннее содержание было различным и отвечало собственным интересам держав.

В некоторых случаях их цели совпадали с установками восставших, но эти совпадения носили случайный характер и не были результатом совместной разработки планов по мирному урегулированию.